

Виктор Федоров

Кратеры Симфареи

Том I

RUGRAM

Москва

2024

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)
Ф33

Федоров, В.

Ф33 Кратеры Симфареи. Том 1 / В.Федоров, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 296 с. — (Кратеры Симфареи).

ISBN 978-5-517-12259-9

Симфарейя — империя, объединенная под властью единого владыки. Ее процветание обеспечивают руны — драгоценный, но смертельно опасный для простых людей материал, добываемый в рудниках по всей стране.

Второй ценнейший ресурс империи, одновременно и ее главное проклятие, — белоголовые, единственные, кто способен без вреда для здоровья добывать и доставлять руны на поверхность. Однако вне рудников они смертельно опасны для общества. Ведь каждый белоголовый рано или поздно исчезает из Мира, оставив вместо себя кратер выжженной земли и ставя под удар жизни сотен и тысяч людей. Всех обреченных легко узнать по ранней седине в волосах.

Эдвин, деревенский юноша, против воли оказывается втянут в самое грандиозное похищение в истории Симфареи. Райя, высокородная дама, по указу владыки отправляется в свою первую дипломатическую поездку с целью раскрыть заговор против столицы. Рикард — пробудившийся белоголовый. Запертый в клетке, он под надзором гвардейского конвоя направляется на рудник — трудиться на благо империи и доживать свой недолгий век.

История трех героев разворачивается на фоне повсеместно растущей напряженности. Ужасы былых войн уже забылись, недовольные ропшут все громче, лояльность столичной гвардии под вопросом, и все более тревожные вести доносятся из разных уголков страны...

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-12259-9

© Виктор Федоров, текст, 2024
© RUGRAM, оформление, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

Оглавление

Глава 1. Эдвин	5
Глава 2. Рикард	15
Глава 3. Эдвин	25
Глава 4. Райя	37
Глава 5. Рикард	49
Глава 6. Эдвин	71
Глава 7. Райя	93
Глава 8. Рикард	104
Глава 9. Райя	128
Глава 10. Эдвин	137
Глава 11. Райя	152
Глава 12. Рикард	174
Глава 13. Эдвин	202
Глава 14. Райя	227
Интерлюдия. Старый генерал	256
Интерлюдия. Черная мантия	273
Глава 15. Рикард	281

Глава 1. Эдвин

В голову словно вонзился раскаленный прут. Попытавшись разлепить веки, он увидел перед собой лишь темноту. Ощутил, что лежит лицом в грязи; нагретая солнцем земля набилась в рот и ноздри. Неприятно. Пугающе. Но то было лишь небольшим неудобством в сравнении с ноющей болью в висках. Казалось, еще немного – и голова разлетится на куски. Эдвин застонал. Боль куснула его напоследок и внезапно отступила. Юноша чувствовал, что она не ушла далеко, лишь взяла паузу, укрепившись где-то на задворках сознания.

Эдвин сжал зубы. Был ли то обморок или просто сон, но из всех способов пробуждения ему явно выпал худший. Даже воспитательную оплеуху от матери он бы сейчас принял стоически, пусть это обычно и не предвещало ничего хорошего. Ведь за все нужно платить, верно? Гораздо хуже, если бы из забытья его вывел удар дубинкой от незнакомца, который вовсе не хотел никого будить, а, наоборот, стремился погрузить свою жертву в гораздо более глубокий, бессрочный сон.

Все эти мысли пронеслись в голове юноши за какую-то секунду, и он с тоской (а если вспомнить вариант с матушкой, то и с некоторым облегчением) признался себе, что не угадал ни разу. Вместо этого ему выпало рыть носом землю. Куда хуже, что он не мог вспомнить, как до такого дошло.

Эдвин попытался подняться на ватных конечностях. Зарывав от натуги, он с трудом приподнялся на локте, вытер ладонью лицо.

Зацепил ссадину на лбу и, сморщившись от боли, сплюнул вязкую слюну.

– Проклятье.

На этом его красноречие исчерпалось, вместо этого юноша утробно закашлялся. С каждым спазмом казалось, что легкие сейчас вывалятся на примятую траву, на лбу выступила испарина. Он перекатился на спину, вцепился пальцами в рубаху на груди, пытаясь сдержать приступ. Через минуту кашель отступил, и мир вокруг обрел четкость. Ветви деревьев плотно смыкались в небе над его головой. До ушей донеслось журчание.

Обычно Эдвин засыпал в своей кровати, порой – на козлах телеги, изредка – в уютном теплом углу мастерской, за что получал нагоняй от Вамоса. Но в его привычку точно не входило валяться на речном берегу, на голой земле, под сенью деревьев. Даже если в жаркий день слепни баюкают своим жужжанием, а облака вяло плывут по небу, словно призывая улечься на спину и проследить за ними, постепенно погружаясь в сон. Юноша уперся ладонями в землю, выдохнул, поднялся на ноги. Мрачно посмотрел на пару ведер, лежащих неподалеку. В этом безмятежном беспорядке чувствовался некий укор, напоминание об ответственности. Обдумав последнюю мысль, юноша опять потрогал ссадину на лбу, посмотрел на небо и выругался вслух.

Должно быть, Вамос ждет его уже час, минимум, а это был повод для беспокойства. И пусть на фоне странного пробуждения все остальное отошло на второй план, Эдвин прекрасно помнил, что каменщик до сих пор не сменил гнев на милость с прошлой недели. Ведь не зря, ой не зря, он больше не хранит свои бутылки с дрожжевой настойкой под полкой с инструментами. И, несмотря на все оправдания, этот поход за водой стал для него уже третьим за три дня.

Каждый раз кожа в считанные секунды покрывалась липкой пленкой пота, соленые капли стекали по лбу, заливая глаза. Это было самое сухое и жаркое лето на его памяти, мозоли на руках саднили, кожа загорела почти дочерна. Пыль вперемешку с каменной крошкой по вечерам можно было выскребать из складок одежды горстями. И даже старики, привычные, казалось, ко всему, все реже выползали

из своих домов на крыльцо, предпочитая до самого вечера прятаться в глубокой тени.

Он вновь возвел взгляд к небу: солнце неумолимо и безжалостно источало свой жар прямо над его головой. Мог ли солнечный удар стать причиной его забытья? Заманчиво. Простые объяснения всегда успокаивают, помогают найти опору в этом неустойчивом мире. Увы, этим мог объясниться лишь обморок в сочетании с головной болью. Но уж никак не состояние поляны вокруг.

В паре шагов от него грустно замерла скособоченная яблоня. На ветках сиротливо покачивалась кучка недозревших яблок, но большое количество зеленых плодов теперь валялось на земле среди узловатых корней. Местами они сливались по цвету с травой, местами теряли маскировку, переливаясь на солнце. А ведь каждый знает, что плоды зреют все лето, а к осени становятся наиболее сочными, вкусными и начинают валиться с веток в пожелтевшую траву. И уж точно не падают так рано, все сразу и в опасной близости от его головы.

Вокруг были и другие странности помимо яблок. Упавшая ветка тут, опавший куст там – все это вносило сумятицу в давно ставший родным береговой пейзаж. И хотя по натуре своей Эдвин был молчалив, сейчас он испытывал непреодолимое желание ругаться вслух. Костерить на чем свет столь грубое вторжение в устоявшийся порядок вещей. Однако юноша промолчал и вместо этого схватился пальцами за виски.

Утро этого дня вряд ли можно было назвать выдающимся. Он, как и всегда, проснулся на заре, сунул голову в бочку с водой и поспешил на другой конец деревни, к Вамосу. Провел все утро в рабочих заботах, а после, ближе к полудню, подхватил ведра и поплелся к реке.

Но что потом? Как бы маняще ни звучало, планов подремать на теплой земле у него точно не было. Упал в обморок? Солнцем голову напекло? Бред. Слабым здоровьем Эдвин никогда не отличался, а если посмотреть на загорелую кожу и блестящие на лице карие глаза, то можно было усомниться в отсутствии у него южного происхождения. Пока остальные жители Срединных земель изнывали от жары, он стоически ворочал камни под палящим солнцем.

Юноша огляделся вокруг. Тихое журчание реки успокаивало, водная гладь блестела на солнце. Спокойствие было обманчивым. На первый взгляд течения почти не было, но любой местный знал, что уже в двадцати шагах от берега в воде начинают бушевать бурные потоки, берущие свое начало где-то высоко в горах.

За его спиной высился крутой, поросший кустарником пригорок, среди колючих ветвей скрывалась протоптанная тропа. Деревья неплотным рядом выстроились вдоль берега, их кроны отбрасывали рваные тени на пожелтевшую местами траву, которая, по мере приближения к берегу, истончалась и уступала место размокшей земле и песку. Сейчас земля вокруг была припорошена опавшей листвой и ветками. Ближайшие к берегу кусты колыхнулись, словно невидимый порыв ветра решил довершить начатое, на этот раз выкорчевав всю поросль полностью.

Эдвин вздрогнул, но все вновь затихло, вокруг царило сонное, полуденное умиротворение. Он аккуратно отодрал от рубахи пару репьев, присел на корточки. Из чистого озорства подбросил в руке яблоко, впился в него зубами. Скривился, отбросил плод в сторону, с усилием сглотнул кислую мякоть. Именно так он и ощущал Мир сейчас. Дерьмо в красивой обертке.

Поднявшись на ноги, он подхватил с травы ближайшее ведро. Посмотрел на вмятину на боку, осуждающе покачал головой, подобрал второе – к счастью, без повреждений. А после целеустремленно шагнул к реке. Вода у Вамоса все-таки будет. Если судить по солнцу, он вряд ли провел на берегу больше часа. Стоит поспешить, и тогда, возможно, его отсутствие не покажется таким уж долгим.

По жаре зайти в прохладную воду было даже приятно. Эдвин наполнил одно ведро до середины и, выдохнув, опрокинул его себе на голову. Поежился, наполнил еще раз, уже до краев, затем повторил то же самое со вторым. Вода на солнце искрилась и переливалась; он откинул мокрые волосы со лба и в замешательстве замер. Моргнул, пытаясь отогнать наваждение, после чего всмотрелся внимательнее. У самого берега он различил другой блеск, неправильный. Не так блестит водная гладь, особенно наполовину в тени растений.

Эдвин нахмурился, аккуратно отставил ведра в сторону и сделал пару шагов по берегу. Потом еще парочку и еще, затем наклонился и устоялся под ноги. Протянул руку к влажному песку, осторожно ковырнул землю, ладонью откинул ил, подцепил предмет и выпрямился. Брови непроизвольно поползли вверх.

Юноша посмотрел налево, ничего нового там для себя не обнаружил, после этого направо – с тем же результатом. Снова воззрился на свою ладонь. На ней в остатках песка и покрытый блестящими капельками воды лежал медальон. На первый взгляд в этом не было ничего удивительного – что он, украшений не видел? Даже матушка Эдвина, несмотря на их простецкий, сельский быт, имела в своем распоряжении скромный, но очень симпатичный набор украшений для особых случаев и ежегодных деревенских праздников. Но такую красоту он видел впервые.

Идеальный золотой овал, без каких-либо опознавательных знаков, гербов и прочего, чем любят кичиться высокородные. Небольшой, размером с женскую ладонь и высотой с полпальца. С бейлом под цепочку в верхней части, но она, похоже, осталась на шее благородного путника, который умудрился утопить драгоценность. Из отсутствия видимых выемок и щелей Эдвин сделал вывод, что медальон не открывается, а служит просто украшением. Однако работа была тонкая: идеальная форма, гладкость, утонченность. Грандиозное исполнение. Могло смутить отсутствие гравировки и любых изысков – просто кусок золота на цепочке, и все же этот медальон всем своим видом показывал: простолюдины такое не носят.

Эдвин сглотнул. Удача? Может быть. А может быть, и нет, вдруг подделка? А если не подделка, куда нести такую вещь? Если и поверят, что он нашел на берегу подобное, кто даст сельскому парню кучу денег? Юноша моргнул, сжал кулак и провел языком по губам. Разжал пальцы: медальон никуда не пропал и упрямо лежал в руке, при этом приятно холодя ладонь, несмотря на удушливую летнюю жару. Словно отзываясь на его замешательство, листва на берегу вновь зашелестела.

– Вамос не поверит, – пробормотал Эдвин одними губами, ругнулся и сунул медальон в карман штанов.

Первоочередная проблема – ведра. Каменщик ждет, ведра наполнены, а солнце начинает припекать все сильнее. Сначала отнести воду, потом думать про медальон. Оставлять его на берегу смысла нет – либо никто никогда не найдет, либо приберет к рукам случайный путник, так чем он хуже? Если в деревню явится человек и будет искать пропажу – получит обратно, в их тихом поселении проблемы никому не нужны. А если не явится... Посмотрим. Решив таким образом, юноша подхватил ведра и потопал в сторону Шепчущих дубов.

Почему родная деревня Эдвина называлась именно так – никто из жителей нормально объяснить не мог. У каждого местного была своя версия, порой она передавалась через поколения, менялась, переплетаясь с чужой историей, и выяснить, где правда, а где выдумка, уже не представлялось возможным.

Эдвину особенно нравилась байка про отставного вояку, родовое гнездо которого находилось ровно на том самом месте, где сейчас располагалась деревня. И на старости лет начало ему казаться, что деревья в дубовой роще (окружавшей равнину в то время) постоянно шепчутся, строят заговоры – другими словами, ведут себя абсолютно несносно. В силу скверного характера, старик приказал всю рощу вырубить, а затем, в силу воинской чести, приказал все деревья похоронить с почестями. Уже давно и замка никакого не было на этом месте, а вместо рощи деревню окружал густой лес, причем не дубовый, но рассказчиков это обычно не смущало. Эдвин всегда давил в себе улыбку и думал, что работенка была та еще: рыть могилы для сотни дубов.

Он поднялся по тропе, аккуратно проскользнул сквозь кусты дикой рябины и дворами пошагал в сторону мастерской. В траве стрекотали кузнечики, в воздухе жужжали слепни, коровы махали хвостами, отгоняя мух, но ни одного человека юноша не встретил. От жары, что ли, попрытались все? Поравнявшись с задним двором, Эдвин проскользнул в приоткрытую калитку, поставил ведра у забора и с грустью потер мозоль на левой ладони. Он был уверен, что запирает ее перед уходом. Такими темпами Вамос будет гонять его за водой до конца месяца.